

МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ ПРОКСИМАТЫ В ПАРАЛЛЕЛЯХ СЕРБСКОГО И РУССКОГО, СЛОВАЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ: ТИПЫ ПРОКСИМАТОВ

Е. А. Правда

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 6 октября 2009 г.

Аннотация: статья посвящена вопросу о так называемых межъязыковых проксиматах – языковых явлениях с обманчивым внешним сходством в параллелях сербского и русского, словацкого и русского языков, которые способны провоцировать ошибки в речи иностранцев. В работе рассматриваются разные типы межъязыковых проксиматов.

Ключевые слова: интерференция, ложные ассоциации, неполное сходство, сходно-различное языковое явление, дифференцирующий признак.

Abstract: the article is devoted to the question of the so-called interlingual proximates – pseudosimilar units of Serbian and Russian, Slovak and Russian. These units lead to mistakes in the speech of students of Russian as a foreign language. The author considers all possible types of pseudosimilar units as interlingual proximates.

Key words: interference, false associations, incomplete similarity, pseudosimilar linguistic units, differential feature.

Преподавателям иностранных языков и переводчикам хорошо известно явление обманчивого внешнего сходства между некоторыми формами двух разных языков. Известно также, что правильное распознавание и употребление сходно-различных форм часто оказывается серьезной трудностью при изучении иностранного языка, особенно на начальном этапе.

Сходно-различных форм особенно много в близкородственных славянских языках. Близость славянских языков, их похожесть «притупляет бдительность» носителя другого славянского языка, настраивает его на то, что все особенности иноязычного факта (семантика, структура, а у слова еще и сочетаемость и словообразовательные связи) будут такими же, как и у похожей формы родного языка. Возникает интерференция, вызывающая ошибки, самые курьезные из которых становятся содержанием анекдотов. Например: «Как ваша фамилия?» – «Спасибо, все здоровы» (под влиянием серб. *familija* – «семья»); «Мечтаю иметь красный живот» (под влиянием словац. *krásny život* – «красивая жизнь»).

Подобные ошибки не так безобидны, как это иногда кажется. Они могут обуславливать коммуникативные неудачи, снижающие интерес к изучению языка, или вести к скрытой интерференции (т.е. стремлению избегать сходные формы), которая тормозит процесс изучения языка и ухудшает качество речи. Неслучайно поэтому лингводидактика придает большое значение предупреждению интерференции. А это требует, с одной стороны, инвентаризации и

изучения форм с обманчивым внешним сходством, с другой – формирования у учащихся внимательного и критического отношения к ним.

Рассматриваемое явление не раз попадало в поле зрения исследователей – В. Бланара [1], Й. Влчека [2, 3], Ю. Т. Листровой [4], В. Любимовой [5, 6], В. Н. Манакина [7], Т. Николаевой [8], М. Рогаля [9], Э. Секаниновой [10], М. Сотака [11], И. А. Стернина [12], Ш. Элиаша [13] и др.

Имеется опыт лексикографического описания и представления данного явления. Например, составлены словари «ложных друзей переводчика» польского и русского языков [14, 15], чешского и русского языков [3], немецкого и русского языков [16], словацкого и русского языков [6], английского и русского языков [17] и др. Попытки создания подобного рода словарей в последнее время активизируются в связи с развитием переводческих услуг в сети Интернет.

Из всех сходно-различных языковых форм внимание ученых обращается обычно прежде всего на лексику. При этом попытки теоретического осмысления материала сводятся, как правило, к разделению слов на две категории: 1) полностью совпадающие, или тождественные (типа словац. *život* и рус. *живот* или словац. *dávať* и рус. *давать*) – за ними закрепилось название межъязыковые омонимы; 2) неполностью совпадающие, или похожие (типа словац. *vôňa* и рус. *вонь*, словац. *slobodný* и рус. *свободный*) – их называют обычно межъязыковыми паронимами.

Данный подход представляется не вполне корректным. Омонимия, при любой интерпретации этого понятия, исходя уже из семантики самого термина,

подразумевает прежде всего совпадение, тождество языковых форм в их устной или письменной реализации – ср., напр., определение в словаре лингвистических терминов: «Омонимы (равнозвучащие слова)... Две (или более) разные языковые единицы, совпавшие по звучанию (т.е. в плане выражения)» [18, с. 287]. Понимая термин буквально, вряд ли можно говорить о тождестве языковых форм в разных языках, имеющих различные фонологические системы, а тем более разные алфавиты. Очевидно, что в этом случае возникает неоправданная многозначность термина *омоним*, который и без того часто трактуется весьма расширительно и нечетко, что вызывает справедливую критику исследователей (см., напр., [19]). Кроме того, игнорируются межъязыковые различия, которые, хотя и могут оказываться нерелевантными для достижения конкретных целей коммуникации и не препятствовать в отдельных случаях ее успешности, однако в принципе при обучении иностранному языку должны всегда быть в центре внимания (ср. [9, с. 39, 77]).

Думается, что было бы точнее называть все сходно-различные слова двух языков межъязыковыми паронимами. Паронимия предполагает не совпадение, а сходство, и это предъявляет менее жесткие требования к соответствующим формам и позволяет относить к паронимам самые разные по характеру слова, во внешнем облике которых есть что-либо общее: и однокоренные слова одной части речи с ударением на том же слоге от начала (такая традиция существует, например, в российской лингвистике – см. [20, с. 8–9]), и пары слов типа *рост* – *трос*, состоящих из одних и тех же фонем или графем (см., напр., [21]). Что касается форм типа словац. *nastúpiť* (в значении «войти») и рус. *наступить* (в значении «стать на что-л.»), то их можно было бы называть межъязыковыми синонимами, поскольку они обозначают близкие понятия, а формы типа словац. *čerstvý* и рус. *черствый*, обозначающие противоположные понятия, – межъязыковыми антонимами.

Но, может быть, для контрастивной лингвистики было бы более целесообразным вообще не пользоваться терминологией интралингвальных исследований, а выработать свои собственные обозначения? Некоторые варианты таких обозначений уже существуют – *ложные друзья переводчика* или *слова-обманщики*. Однако эти обозначения не вполне удобны в употреблении из-за своей излишней образности и громоздкости.

Еще одно обстоятельство, заставляющее вести поиски адекватных терминов для обозначения сходно-различных явлений двух языков, – необходимость уточнить объем требующего номинации понятия. Наблюдения показывают, что отношения обманчивого внешнего сходства существуют не только между

словами, но и между языковыми формами иного рода: морфемами, предложно-падежными сочетаниями, устойчивыми словосочетаниями, синтаксическими конструкциями и др. Поэтому нужен термин, который соответствовал бы всем этим явлениям.

В поисках подходящего термина для обозначения пары сходно-различных языковых явлений в параллели двух языков мы остановились на названии *проксиматы* (от лат. *proximus* «весьма близкий; наиболее сходный») [22, 23]. Определить это понятие можно следующим образом: *проксимат* – это факт иностранного языка (слово, словосочетание, морфема или др.), который имеет внешнее сходство с каким-либо фактом родного языка, но отличается от него семантическими, грамматическими, стилистическими или другими свойствами и поэтому способен вызвать ошибку при его использовании в речи на данном иностранном языке.

Рассмотрим типы проксиматов.

Проксиматы-лексемы в близкородственных языках составляют, по-видимому, большую часть всех сходно-различных, поскольку в этих языках имеется значительный общий фонд лексики и большое количество генетически родственных слов, которые в процессе исторического развития языков разошлись между собой по семантике или внешнему оформлению.

В параллели сербского и русского языков можно выделить множество подобных пар слов – ср., напр.: серб. *банка* («банк») и рус. *банка* (= серб. *тегла*), серб. *jad* («страдание, тоска») и рус. *яд* (= серб. *отров*), серб. *журити* («спешить») и рус. *журить* (= серб. *грдити*). В словацко-русской параллели – напр.: словац. *pachat'* («совершать преступление») и рус. *пахать* (= словац. *orat'*); словац. *orat'* («пахать») и рус. *орать* (= словац. *revat'*).

Асимметрия в значениях внешне сходных словоформ может обуславливать различия в образуемых с их помощью **словосочетаниях** или **составных наименованиях**. Так, сербское выражение *учити школу* («получать образование в школе») может быть неверно понято под влиянием сходной внешне русской модели *учить* + кого. Сербское выражение *промена времена* означает не переход на летнее (или зимнее) время, а изменение погоды. Ср. также: *руски чай* – это не чай российского производства, а черный чай, *руски кревет* – это не кровать российского производства, а кровать-раскладушка... Словацкое название *Kulturný dom* («дворец культуры») может быть понято русскоговорящим неправильно – не как «культурно-просветительское учреждение», а как «дом, отвечающий требованиям культуры» (ср. рус. *культурный дом*). Ср. также: *materská škola* («детский сад») и *материнская школа* (= словац. *matkina škola*) или *школа матерей* (= словац. *škola matiek*); *osobné*

auto («легковой автомобиль») и *особый автомобиль* (= словац. *zvláštne auto*). Ср. также словац. *učit' jazyk* («преподавать язык») и *учить язык* (= словац. *učit' sa jazyk*).

Ложные ассоциации могут провоцироваться некоторыми **аффиксами**. Так, в русском языке глаголы с приставкой *до-* обычно обозначают действие, стремящееся к достижению определенного предела, и употребляются с предлогом *до*: *доехать до города*, *доплатить до нужной суммы*, *докричаться до хрипоты*, *допить до чертиков* и т.п. В сербском языке некоторые глаголы с приставкой *до-* не подразумевают доведения действия до предела и не требуют дополнения с предлогом *до* – ср.: *довести* («привезти» или «привести») + что, *доживети* («испытать, прочувствовать») + что, *долазити* («приходить, приезжать») + куда, *дописивати* («посылать корреспонденцию») + куда, *довикати* («окликнуть, позвать») + кого. Суффикс *-ик* в некоторых сербских словах не имеет уменьшительно-ласкательного значения – напр.: *борик* («сосновый лес»), *брезик* («березовый лес»), *липик* («липовый лес»), как это наблюдается во многих русских существительных (*домик*, *садик*, *ключик* и т.п.). В словацком языке приставка *od-* может лишь указывать на совершенный вид глагола – ср.: *odsúhlasit'* («согласиться, утвердить»), в то время как в русском языке аналогичная приставка *от-* обычно употребляется в значении «движение в сторону от предмета» или «отделение части от целого». Поэтому словацкий глагол *odsúhlasit'* русскоговорящим может быть понят неправильно, как обозначение действия, связанного с отказом согласиться или утвердить что-либо. Ср. также значения аффиксов *-ина* в словацких словах *tamina* («мамочка»), *kvetina* («цветочек») и *-ина* в русских словах *горошина* (= словац. *hrachové zrnko*) и *бусина* (= словац. *sklená perla*).

Отношения проксимации возникают и между **предложно-падежными сочетаниями** двух языков. Примером могут служить сочетания с предлогом *за*, которые в сербском языке указывают на назначение предмета – напр.: *вода за piће* («вода для питья»), *храна за стоку* («корм для скота») и т.п. В русском языке подобные выражения обычно передают значение обмена. В других случаях в сербском языке предлог *за* может показывать срок, через который совершится некое действие, а не длительность какого-либо действия, как в русском языке (*за час*, *за год*) – ср. серб. *за један сат* («через час»), *за годину дана* («через год»). Предлог *на* в сербском языке может указывать на причину действия: *захвалити на позиву* («поблагодарить за приглашение»), *извинити на грешки* («извинить за ошибку») и т.п., чего нет в русском языке. Словацкие сочетания, построенные по модели *za* + тв., в соединении с глаголами движения указывают на конечную цель перемещения – ср.:

Idem za vami – «иду к вам». Русский вариант *за* + тв. отличен по смыслу – ср.: *Иду за вами* – «иду к вам, чтобы затем вместе с вами идти в другое место». Ср. также словац. *na tisíc ľudí* («приблизительное количество объектов») и рус. *разделить на тысячу человек* («множество объектов, на которые распространяется действие»).

Межъязыковыми проксиматами могут быть и **синтаксические конструкции**. Так, некоторые фразеологизированные сербские односоставные предложения с глагольной формой *било* («было») передают значение пожелания или заклинания – ср.: *Просто му било!* («Пусть ему простится!»); *Сретно вам било!* («Счастья вам!»); *Срам те било!* («Как тебе не стыдно!»; «Позор!») [24, с. 161]. В русском языке есть, по-видимому, лишь одно сходное выражение – *Чтоб тебе пусто было!*, – которое содержит признаки условного наклонения: *чтоб* + форма прошедшего времени. В рассматриваемых сербских фразах формальных указаний на условное наклонение нет, и они могут быть ошибочно поняты как высказывания о событиях прошлого – о том, что кто-то в прошлом был счастлив, кому-то в прошлом было стыдно и т.п. Словацкие предложения типа *V Ramalachu sa dnes opät' streľalo* (из радиопередачи от 21.01.2002) или *Teraz sa bojuje všade* (Р. Jaroš. Tisícročná včela) и сербские предложения этого же типа *Откако се заратуло...* (И. Андрич. Мост на Дрине) или *Као кад се дахне на огледало...* (Д. Киш. Огледало непознатог) напоминают по структуре русские предложения типа *На улице смеркалось* или *Ему хочется есть*. Однако в словацких и сербских предложениях говорится о действии, совершаемом какими-то людьми, но сами производители действия не называются – подобные предложения квалифицируются как неопределенно-личные (см., напр., [25, с. 170]) – ср. русские эквивалентные конструкции типа *В Рамаллахе сегодня опять стреляли* или *Сейчас везде воюют* с глаголом в форме 3-го л. мн.ч. В сходных же русских предложениях с возвратными глаголами говорится о действии, происходящем «само по себе»; эти предложения могут быть отнесены к безличным (ср. эквивалентные словацкие конструкции с безличными глаголами типа *Na ulici sa zmrákalo* или *Svrbi ho v nose* и сербские *Нанољу се смркава*).

Не полностью совпадают и некоторые формально схожие вербальные и невербальные **формы коммуникативного поведения**, принятые у разных народов, например, некоторые действия этикетного характера (ср. [2]). Так, у сербов при встрече со знакомыми или малознакомыми людьми принято произносить фразу *Како сте?* («Как ваши дела?») или *Како си?* («Как твои дела?»); иногда такую фразу повторяют несколько раз через небольшие промежутки времени. Эта фраза обычно не является вопросом и поэтому

не требует подробного ответа, а выполняет лишь контактоустанавливающую или этикетную функцию (ср. [26]). У хорошо знакомых людей в этой же функции употребляется и фраза *Где си?* («Где ты пропадешь?»), формальный и экспрессивный характер которой становится особенно очевидным в ситуациях, когда люди недавно встречались. У русских подобные фразы употребляются реже и в общении между знакомыми воспринимаются не как формальность, а как проявление внимания, как вопрос, требующий содержательного ответа; не случайно русские часто негативно реагируют на «пустой», по их мнению, ответ *Ничего!*, воспринимая его как отказ от общения. Еще один пример: фраза *Видећемо се!* («Мы еще увидимся»), адресованная человеку, который собирается уезжать. В речи сербов эта фраза может означать не намерение действительно встретиться перед отъездом собеседника, а лишь стремление избежать грусти расставания, желание расстаться на «положительной» ноте. В словацком языке есть выражение *môže byť*, которое обычно употребляют продавцы, чтобы выяснить, намерен ли покупатель купить заинтересовавший его товар. Данное выражение напоминает русское словосочетание *может быть*, которое в подобной ситуации в русской речи не употребляется: оно используется или в качестве «модального слова» для выражения малой степени уверенности (ср.: *Может быть, мы поедem на море*), или для обозначения способности «предмета» проявлять те или иные свойства – ср.: *Ребенок иногда может быть непослушным*. В Словакии в ситуации прощания допускается, чтобы хозяин первым попрощался с гостем; часто он спешит это сделать, чтобы проявить вежливость. Но в России такое поведение может быть воспринято негативно, как желание хозяина поскорее выпроводить гостя, поскольку у русских принято, чтобы первым попрощался гость.

Дальнейшее исследование проксиматов будет посвящено установлению отношений между ними.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Blanár V.* Porovnávanie lexiky slovanských jazykov z diachronného hľadiska / V. Blanár. – Bratislava : VEDA, 1993. – 185 с.
2. *Влчек Й.* Вопросы языковой интерференции при обучении русскому языку в Чехословакии / Й. Влчек [и др.] // РЯЗР. – 1977. – № 2. – С. 67–71.
3. *Vlček J.* Úskalí ruské slovní zásoby : slovník ruskočeské homonymie a paronymie / J. Vlček. – Praha: Svet sovětů, 1966. – 229 с.
4. *Листрова Ю. Т.* Ложные лексические ассоциации и их преодоление в немецкой аудитории / Ю. Т. Листрова // Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике : сб. ст. / под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. – М. : Рус. яз., 1978. – С. 175–180.
5. *Любимова В.* Проблема интерференции в области русско-словацких омонимов при обучении русскому языку в Чехословакии / В. Любимова // Jazykovedný zborník 7/1986. – Bratislava : SPN, 1989. – С. 205–210.
6. *Ljubimová V.* Stručný školský slovník rusko-slovenských homoným / V. Ljubimová. – Bratislava : SPN, 1976. – 86 с.
7. *Манакин В. Н.* Сопоставительная лексикология / В. Н. Манакин. – Київ : Знання, 2004. – 326 с.
8. *Николаева Т.* К вопросу о межъязыковой омонимии : (на материале русского и словацкого языков) / Т. Николаева // Zborník fakulty humanitných a prírodných vied Prešovskej univerzity. – Rok 1997. – С. 102–106.
9. *Рогаль М.* Билингвальное описание лексического аспекта языков в учебных целях : (на материале словацкого и русского языков) / М. Рогаль. – Nitra : VSP, 1994. – 222 с.
10. *Sekaninová E.* Východiská a ciele skúmania lexiky konfrontačnou a ekvivalenčnou metódou / E. Sekaninová // Slavica Slovaca. – Ročník 23. – 1988. – Číslo 3. – С. 225–238.
11. *Soták M.* Stratégia zvládnutia cudzojazyčného textu / M. Soták // Sborník Pedagogického inštitútu. Serija rusistiky 4. Nitra, Pdf 1987. S. 88–100.
12. *Стернин И. А.* Принципы создания контрастивного словаря / И. А. Стернин, К. Флекенштейн // Язык и национальное сознание. – Воронеж : ЦЧКИ, 1999. – Вып. 2. – С. 152–159.
13. *Eliáš Š.* Pôsobenie transferu pri osvojovaní ruskej lexiky / Š. Eliáš. – Bratislava : SNP, 1974. – 139 с.
14. *Kozielewski Ignacy.* Słownik wyrazów o podobnym brzmieniu a odmiennym znaczeniu w języku rosyjskim i polskim / Ignacy Kozielewski. – Warszawa, 1959.
15. *Birbrajer Julian.* Friends and false friends : a dictionary of «false friends» between Polish and Russian with an English translation of all entries / Julian Birbrajer. – Stockholm, 1987.
16. *Готлиб К. Н.* Немецко-русский и русско-немецкий словарь «ложных друзей переводчика» / К. Н. Готлиб. – М. : Советская энциклопедия, 1972. – 448 с.
17. *Краснов К. В.* Англо-русский словарь «ложных друзей переводчика» / К. В. Краснов. – М. : ЭРА, 2004. – 80 с.
18. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : КомКнига, 2007. – 576 с.
19. *Вороничев С. В.* Об омонимии и смежных явлениях / С. В. Вороничев // Русская речь. – 1999. – № 6. – С. 43–51.
20. *Вишнякова О. В.* Паронимы в русском языке : учеб. пособие для филол. ф-тов пед. ин-тов / О. В. Вишнякова. – М., 1974. – 192 с.
21. *Škvareninová O.* Paronymický slovník / O. Škvareninová. – Bratislava : SNP, 1999. – 213 с.
22. *Правда Е. А.* К вопросу о межъязыковых аналогах-словоформах : (на материале словацкого и русского языков) / Е. А. Правда // BraSlav 1 : zborník z medzinárodnej slavistickej konferencie, konanej na Filo-

zofickej fakulte UK v Bratislave 14.–15. novembra 2002. – С. 213–218.

23. *Правда Е. А.* О принципах изучения межъязыковых апроксиматов / Е. А. Правда // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. 29–30 октября 2005 г. – Воронеж : ВГПУ, 2005. – Ч. I. – С. 207–213.

24. *Лалевић М.* Синтаксис српскохрватског језика / М. Лалевић. – Београд, 1962. – 176 с.

25. *Светлик Я.* Русский синтаксис в сопоставлении с словацким / Я. Светлик. – Братислава, 1966. – 266 с.

26. *Пунер П.* О контрастивном изучении коммуникативного поведения близкородственных народов : (русская и сербская коммуникативные культуры) // Коммуникативное поведение славянских народов : русские сербы, чехи, словаки, поляки. – Воронеж : Истоки, 2004. – Вып. 19. – С. 3–10.

Воронежский государственный педагогический университет

Правда Е. А., доцент кафедры общего языкознания и методики преподавания русского языка

E-mail: epravda@yandex.ru

Voronezh State Pedagogical University

Pravda E. A., Associate Professor, Department of General Linguistics and Methods of Teaching Russian Language

E-mail: epravda@yandex.ru